

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-769-782

«Новая нормальность» эпохи covid-19: возможности, ограничения, риски*

Е.Н. Гнатик

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: gmatik-en@rudn.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых актуальных аспектов трансформации социальной реальности. Подчеркивается, что объявление пандемии спровоцировало возникновение беспрецедентной ситуации: человечество столкнулось с совершенно иным концептом действительности. В частности, нынешние условия, стимулируя рывок в развитии НБИК-технологий (нано, био, новых информационных и когнитивных технологий), способствуют укреплению парадигмы, абсолютизирующей технократическое слагаемое цивилизационного развития. На фоне общей депрессии и спада экономической активности наблюдается взрывной рост в сфере биоинженерных, информационных и когнитивных исследований. «Новая нормальность» коронавирусной эпохи, связанная с невиданной прежде широтой применения систем искусственного интеллекта, технологий видеонаблюдения, геолокации и «больших данных», в необычайно короткие сроки привела к возникновению новых экзистенциальных и правовых проблем. Провозглашенная угроза здоровью населения, будучи значимым целеполаганием, стала доминантой, оправдывающей введение серьезных новшеств, которые позволяют правящим элитам блокировать гражданские права, в частности, легализовать применение систем слежения. В условиях борьбы с пандемией система идентификации личности на основе передовых технологий из средства обеспечения безопасности, стоящего на службе силовых ведомств, трансформируется в инструмент массовой социальной инженерии. Россия вплотную приблизилась к новому этапу цифровой трансформации — формированию системы управления учетными данными государственного масштаба (Единого федерального информационного регистра). В связи с опытом Китая в плане цифровой сегрегации возникают опасения: не переродится ли цифровизация по мере совершенствования алгоритмов искусственного интеллекта, применения биометрического надзора и т.д. в нечто опасное? В статье подчеркивается, что сканирование внешности и сбор информации о гражданах позволяет создать гигантский массив данных, использование которых может повлечь за собой непредсказуемые последствия, и проблема их несанкционированного применения здесь не главная. Власть алгоритмов, позволяющих манипулировать человеком посредством непрерывно собираемой о нем информации, может обернуться новой, изощренной формой геноцида.

Ключевые слова: пандемия covid-19; НБИК-технологии; права человека; трансформация социальной реальности; государственный аппарат принуждения

В настоящее время человечество оказалось в беспрецедентной ситуации: создаются новые алгоритмы существования, новая реальность. О том, что нано-, инфо-, когнитивно- и био-технологизированная среда артефактов

* © Гнатик Е.Н., 2021

Статья поступила 04.07.2021 г. Статья принята к публикации 28.09.2021 г.

активно способствует глубинной трансформации привычного способа бытия, научный мир сигнализировал в течение последних лет. Кроме того, согласно прогнозам специалистов, рано или поздно совершенствование технологий культивирования смертоносных микроорганизмов и производство на этой основе нового вида оружия массового поражения могут привести к ослаблению контроля над ситуацией, поставив человечество перед лицом новых угроз. Однако катализатором стремительной трансформации социальной реальности внезапно послужила незащитность человека перед микроорганизмом неизвестного происхождения: «тревога пришла из мира вирусов... Научные прогнозы неутешительные. И вот почему: современный человек... изменил все свое окружение, но сам-то приспособиться к этому не смог... Мы не поняли, что в этом, как бы эволюционном, процессе самым уязвимым местом оказалась иммунная система человека и недооценка того мира вирусов, в котором человек живет... Если мы хотим спасти цивилизацию... мы должны понять, что сегодня человек уязвим, как никогда. И коронавирусная проблема лишней раз ставит вопрос о человеке и его проблемах» [15]. Огромный мир микроорганизмов до сих пор во многом остается *terra incognita*. Изобретение антибиотиков — великое научное достижение XX века и средство довольно успешной борьбы с наиболее многочисленной группой микробов. Однако, во-первых, антибактериальные средства не побеждают вирусные и грибковые инфекции, а, во-вторых, приспособляясь, микроорганизмы приобретают нечувствительность к препаратам, что способствует формированию резистентных форм бактерий. Проблема создания надежной защиты человека от агрессивных представителей микробиома остается на повестке дня современной медико-биологической науки.

Появление вируса SARS-CoV-2 в начале 2020 года принесло с собой резкое нарастание хаоса, прежде всего информационного. Люди словно оказались в сюрреалистической системе, функционирующей по законам и нормам, отличным от известных законов физики и объяснительных моделей других наук — социологии, психологии и т.д., включая право. Мир, озабоченный проблемой спасения, стал стремительно погружаться в состояние одержимости безопасностью, воцарилась максимальная медиатревога. Наиболее частотными стали выражения «глобальная угроза» и «смертельная опасность». Транслируемые средствами массовой информации сведения крайне противоречивы, поэтому практически невозможно сконструировать адекватную картину реальности. Массовые болезни всегда сопровождались инфодемией, т.е. слухами, предрассудками, намеренной дезинформацией и необоснованными страхами, но сегодня человечество буквально в прямом эфире наблюдает за шествием напасти под названием covid-19 и ощущает свою беспомощность в попытках разобраться в хитросплетениях противоположных мнений, порой предвзятых, поверхностных точек зрения, научных гипотез и заблуждений на грани фальсификации, активно распространяющихся через официальные телеканалы и социальные сети.

Сложилась абсолютно беспрецедентная ситуация: в каком-то смысле индивиды перестали быть творцами своего персонального мира — остался лишь мир киберпространства, который не может заменить внешнюю объективную реальность. По сути, люди оказались не в состоянии контролировать собственную жизнь. За человека кто-то рисует перспективу, лишая его горизонта планирования. Граждане большинства государств вынужденно делегировали правящим элитам полную ответственность за свое существование. И неизбежно возникают вопросы: насколько глубоки социальные и личностные последствия для огромной части населения планеты, насильно разобщенного и погруженного во власть цифровых технологий? Насколько адекватны действия элит современных государств по отношению к своим гражданам? Подобные экзистенциальные вопросы выдвинулись стали актуальны для каждого мыслящего человека. Тем более, что ученых, которые являются признанными специалистами в наиболее тесно связанных с возникшей проблемой областях медицины и здравоохранения (эпидемиологов, вирусологов, иммунологов и др.), к принятию решений привлекают не слишком охотно, что бросается в глаза, вызывая недоверие к властям. В итоге выкристаллизуется характерная черта нынешней общемировой ситуации — непредсказуемость действий и политических решений элит. Складывается ощущение, что началась реализация нового технологического, наукоемкого способа руководства массами, осуществляемого посредством информации — ее оцифровки, передачи, обработки и использования.

Мир сталкивался и с более коварными эпидемическими ситуациями, но масштабное распространение инфекционных болезней к середине XX века практически прекратилось благодаря достижениям медицины, научной обоснованности противоэпидемических мероприятий и созданию средств специфической профилактики. Исключением является грипп — «болезнь с высоким индексом контагиозности, эффективным воздушно-капельным путем передачи инфекции, часто низким уровнем напряженности коллективного иммунитета в результате антигенной изменчивости вируса, коротким инкубационным периодом» [1]. Испанский грипп, свирепствовавший столетие назад (1918–1920), стал причиной смерти от 20 до 50 миллионов человек (по другим данным — от 50 до 100 млн). Вирус SARS-CoV-2 за полтора года унес жизни как минимум в 5, а то и в 20 раз меньше (около 4 млн). Во время эпидемии азиатского гриппа (1957–1958) число жертв составило порядка 3 млн, гонконгский грипп (1967–1968) — 2 млн. Эпидемия 1977–1978 годов, вызванная так называемым «русским гриппом», была менее кровожадна: зафиксированных летальных исходов менее миллиона. После 1978 года удавалось избегать эпидемий и серьезных последствий благодаря производству вакцин. Вместе с тем, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), «в Северном полушарии ежегодно осенью и зимой происходят эпидемии гриппа, в течение которых инфекция поражает примерно 5%–15% населения» [3]. Причина — высокий эпидемический потенциал гриппа: болезнь распространяется по

типу цепной реакции. Специалисты констатируют, что в условиях высокой плотности населения городов и возможности свободного перемещения по миру организационные и общесанитарные мероприятия нередко малоэффективны [1]. Эпидемии гриппа стали рядовой ситуацией для многих стран, человечество научилось с ними справляться, как и с другими инфекционными вспышками. С возникновением ковидной тематики дело приняло иной оборот.

В 2008 году ВОЗ изменила определение пандемии: прежде таковой считалась болезнь, распространяющаяся по всему миру и приводящая ко многим серьезным заболеваниям и смертям, теперь же распространение по всему миру стало единственным условием, и для объявления пандемии более не требуется множество серьезных болезней и смертей. Благодаря этому изменению ВОЗ, которая тесно связана с фармацевтической индустрией, смогла объявить пандемию свиного гриппа А (H1N1) в 2009 году [8].

11 марта 2020 года войдет в историю: в этот день, «выражая крайнюю обеспокоенность тревожными показателями распространения инфекции и тяжестью ее последствий, а также недопустимыми масштабами бездействия, ВОЗ приходит к выводу о том, что вспышка covid-19 может быть охарактеризована как пандемия» [14]. Однако до сих пор нет компетентного и взвешенного ответа на вопрос, насколько оправданы жесткие антикоронавирусные меры: дистанцирование, карантин и т.п. Разобщение людей, пусть и под предлогом сохранения их жизней, способствует нагнетанию стрессового состояния, а потому длительное нахождение в строгой изоляции чревато снижением иммунной защиты организма [20; 22]. Пока невозможно разобраться, стоит ли за этим системный кризис здравоохранения и медицинской науки или, возможно, причина другая. Разумеется, covid-19, как и сезонный грипп, в отдельных случаях вызывает тяжелую клиническую картину, серьезные осложнения и иногда приводит к гибели пациента, но «контагиозность этого вида коронавируса ненамного уступает гриппу, а показатели смертности ниже, чем при эпидемиях других форм коронавируса» [13]. Однако все силы и медицинские резервы были брошены на борьбу с новым вирусом, что привело к резкому сокращению приема плановых больных, и вместе с паникой это стало причиной значительного роста смертности от соматических и психических недугов.

Помимо этого, антиковидные меры провоцируют разрушение малого и среднего бизнеса, рост безработицы, социального неравенства и прочие негативные тенденции. Государственно-экономическая политика многих стран не может быть охарактеризована иначе, как саморазрушительная: правительства и центральные банки в сложившейся ситуации не могут противопоставить финансовым проблемам ничего, кроме запуска печатного станка. И если сейчас это позволяет экономике не замереть совсем, то, похоже, вскоре систему хозяйствования ждет падение, поскольку эти деньги ничем не обеспечены. Лица, активно проявляющие несогласие с карантинными мерами, в некоторых странах подвергаются серьезным штрафам, задержаниям, жесткому обращению со стороны правоохранительных органов, вплоть до использования

дубинок, водометов, слезоточивого газа и пр. Провозглашенная угроза здоровью населения стала доминантой, оправдывающей введение серьезных ограничений гражданских прав.

В результате гигантская часть населения планеты, оказавшись в условиях суровой самоизоляции, была вынуждена внезапно перенести значительную часть своего бытия на симулятивные цифровые киберпросторы. Человек, порой помимо своего желания, все сильнее стал погружаться в искусственно созданное пространство. Цифровая реальность имеет особую онтологию, собственные законы развития и воздействия на человека, изменяя коммуникации и жизненный уклад в целом, существенно трансформируя как социум, так и каждого индивида, его сознание и мировоззрение. Объявление пандемии породило беспрецедентную ситуацию планетарного масштаба: человечество столкнулось с совершенно иным концептом действительности, в котором начинают просматриваться некоторые штрихи [16. С. 192–196] следующего витка мирового развития.

Нынешние условия, стимулируя рывок в развитии НБИК-технологий, способствуют укреплению парадигмы, абсолютизирующей технократическое слагаемое цивилизационного развития. На фоне спада экономической активности наблюдается взрывной рост в сфере биоинженерных, информационных и когнитивных исследований. Результаты научных разработок в биотехнологической отрасли актуальны и востребованы — это, прежде всего, создание вакцин, диагностических тестов и лекарств. Значительная часть населения земного шара возлагает большие надежды на успешную разработку необходимых препаратов, их эффективность и безопасность. Впервые в полувековой истории генетической инженерии (с 1972 года) появилась возможность проведения немислимого по масштабу эксперимента — испытания на огромном количестве людей действия векторных вакцин на основе нуклеиновых кислот: дезоксирибонуклеиновой (ДНК) (вакцина британско-шведского производства AstraZeneca) и матричной рибонуклеиновой (мРНК) (российская вакцина Спутник-V, британско-германская BioNTech/Pfizer, американская Moderna). Производство таких иммунногенных препаратов сравнительно простое, но до ковидных времен на пути внедрения генетических вакцин стоял серьезный сдерживающий фактор — недостаточно разработанная технология доставки генетического материала в клетки организма. ДНК- и РНК-вакцины считаются перспективными вакцинными платформами, и форс-мажорная ситуация, приведшая к незапланированному и крупномасштабному применению этих препаратов в клинической практике, вероятно, позволит ученым ответить на множество вопросов и приоткрыть завесу тайны над этим сравнительно молодым направлением вакцинологии.

Наряду с этим широко внедряются и постоянно совершенствуются информационные и когнитивные технологии. В условиях борьбы с новым вирусом SARS-CoV-2 перед IT-специалистами и сетевыми администраторами встала проблема обеспечения перехода сотрудников на режим удаленного

доступа в кратчайшие сроки, буквально в авральном режиме. Данный переход не для всех оказался легким и беспроблемным, что наглядно продемонстрировало существенное технологическое неравенство. Во всем мире было инициировано стремительное широкомасштабное использование IT-инструментов и платформ, сопровождающееся совершенствованием программного обеспечения, облачной инфраструктуры, оборудования, технологий компьютерного обучения, интеллектуальных систем, Интернета вещей и пр. Обнажились определенные «слабые места», свидетельствующие о недостаточной надежности и безопасности киберпространства. На Всемирном экономическом форуме 2021 года в Давосе была высказана серьезная озабоченность глобальной проблемой рисков, связанных с серией беспрецедентных крупномасштабных, многовекторных преступлений в кибернетической среде — «кибератак пятого поколения» [7]. Вопросы устойчивости к угрозам нового уровня, улучшения инфраструктуры кибербезопасности останутся актуальными на перспективу, поскольку практика удаленной работы, похоже, прочно укоренилась, и определенная часть сотрудников различных учреждений и компаний будет продолжать работать в этом режиме.

Вместе с тем не может не вызывать беспокойства тот факт, что условия пандемии предоставили властям возможность в кратчайшие сроки и без обсуждений воплощать в жизнь решения, судьбоносные для страны. Идея масштабной цифровизации страны стояла на повестке дня российских властей и до драматических событий пандемии: была принята «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержден национальный проект «Цифровая экономика России 2024» [12], проект «Московская электронная школа» [5] и т.д. Например, столичная концепция «Умный город-2030», базирующаяся на представлениях футурологов из гигантских IT-корпораций (Р. Курцвейл — Google, Я. Пирсон — British Telecom, Д. Коплина — Microsoft), и др.), пропагандирует принципы трансгуманизма как нечто передовое, полезное и прогрессивное — в интересах «повышения качества жизни москвичей» [11. С. 38]. Трансгуманизм, нацеленный на «расширение» человека, его интеллектуальное преобразование и киборгизацию, основан на идее развития конвергентных технологий [19]. Утопические по своей сути ценности трансгуманизма, ориентированные на создание постчеловека, вряд ли могут получить поддержку большинства жителей столицы, но именно они положены в основу стратегического плана развития города. В частности, это тотальная цифровизация системы образования: «“цифровой учитель” на базе искусственного интеллекта», образовательные онлайн-платформы с использованием виртуальной, дополнительной и смешанной реальности, геймификация образования. Утверждается, что «обработка и анализ результатов процесса обучения, собранных в единый массив больших данных, с применением искусственного интеллекта, обеспечит раскрытие способностей каждого ученика» [11. С. 35], т.е. роль школьных учителей и преподавателей высших учебных заведений продолжит снижаться со всеми вытекающими последствиями [18].

Согласно концепции «Умный город-2030», забота о здоровье будет базироваться на вживлении в организм медицинских устройств, редактировании генома, применении электронных историй болезни и генетических паспортов, использовании биометрических и генетических параметров, обрабатываемых при помощи искусственного интеллекта. По сути, на смену врачам должны прийти алгоритмы искусственного интеллекта, что якобы станет признаком всеобщего благоденствия. Декларируются и другие долгосрочные инвестиции в «человеческий капитал», например, создание условий для равноценности виртуального присутствия физическому, отказ от использования личного транспорта в пользу беспилотного такси и др. При этом речь не идет о всестороннем развитии личности — лишь о человеческом капитале как объекте управления.

В июне 2020 года получила законодательное оформление тотальная цифровизация населения страны. Не удивительно, что в разгар пандемии и экономического кризиса новость о создании гигантской базы данных не только не спровоцировала серьезного сопротивления граждан, но и оказалась почти незамеченной, хотя ее грядущие последствия затронут буквально каждого. Речь идет о новом этапе цифровой трансформации — разработке системы управления учетными данными государственного масштаба. Формируемый Единый федеральный информационный регистр (ЕФИР) будет содержать все данные на каждого россиянина, собираемые многочисленными информационными системами: Федеральной налоговой службой, Пенсионным фондом, ЗАГСами, Министерством внутренних дел, центрами занятости, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, Министерством обороны, Министерством образования и науки, Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), Федеральной службой по труду и занятости (Роструд), государственными внебюджетными фондами и другими ведомствами. В регистр войдут около 30 видов сведений о человеке: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения и смерти, пол, реквизиты записи акта гражданского состояния о рождении и смерти, страховой номер индивидуального лицевого счета в системе обязательного пенсионного страхования (СНИЛС), идентификационный номер налогоплательщика (ИНН), семейное положение, данные об образовании, всех местах работы, сведения из налоговых органов, о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, о постановке на воинский учет, регистрация в системах обязательного медицинского страхования (ОМС), социального страхования и пенсионной системе, документы об образовании/учебе, квалификации, присуждении/лишении ученой степени/звания, сведения о родственных связях и т.д. Единый государственный регистр в технологическом смысле будет базироваться на алгоритмах работы с колоссальными объемами информации, используя опыт таких IT-гигантов, как Google и Facebook. Согласно заявленному плану, система начнет функционировать с 1 января 2023 года, переходный период продлится до 31 декабря 2025 года. Принятие столь судьбоносного

для страны решения должно предполагать предварительное всестороннее и тщательное изучение последствий, но исследовательская активность здесь недостаточна.

Наряду с непрерывным совершенствованием биоинженерных и информационных технологий в ситуации пандемии был придан значительный импульс развитию нейросетевой сферы. «Новая нормальность» коронавирусной эпохи, связанная с невиданной прежде широтой применения систем искусственного интеллекта, технологий видеонаблюдения, геолокации и «больших данных» (Big Data), в необычайно короткие сроки практически повсеместно привела к значительной трансформации системы обеспечения прав человека [6]. Объявленная угроза здоровью населения легализовала те способы применения систем слежения, от которых ранее власти многих стран пытались открещиваться. Безусловно, напряженность в мире растет, что требует повышения мер безопасности на всех уровнях. Основные декларируемые ранее цели тотального видеоконтроля — это профилактика и раскрытие преступлений, террористических актов, поимка сбежавших преступников и т.п. В условиях борьбы с пандемией система идентификации личности на основе передовых технологий из средства обеспечения безопасности на службе силовых ведомств преобразовывается в инструмент массовой социальной инженерии. В ряде стран стартовало применение высокотехнологичного наблюдения за гражданами с целью заставить их соблюдать домашний карантин (Россия — не исключение).

В начале апреля 2020 года Министерство цифрового развития разработало порядок наблюдения за носителями коронавируса на основании данных геолокации сотовых телефонов, отчасти легализовав практику, которая сложилась в Москве в рамках правительственной программы «Безопасный город». Изначально система видеонаблюдения была внедрена (2011–2012) в столице для предупреждения и выявления преступных деяний, автотранспортных происшествий и в целом повышения общественной безопасности. Сегодня это разветвленная сеть камер, установленных в местах массового скопления людей, у административных и жилых зданий, в метро, высших и средних учебных заведениях, больницах, торговых центрах, а также мобильные комплексы для распознавания лиц на массовых мероприятиях и пр. В разработке у специальных служб МВД находятся алгоритмы искусственного интеллекта по распознаванию людей на основе татуировок, радужной оболочки глаз, голоса, движений тела и др. Для идентификации не являются препятствием мотоциклетные шлемы и медицинские маски, очки, усы или бороды, используемые для маскировки. Возможности системы позволяют выявить человека, находящегося на расстоянии 50 метров от камеры, на основе анализа длины шага, уровня наклона ступни и движения рук. Сбор информации о перемещениях жителей и гостей города происходит на основе геоаналитических данных от сотовых операторов. По скорости переключения абонента от одной вышки к другой определяется, идет он пешком или перемещается на

автомобиле, а по тому, к какой базовой станции телефон чаще всего подключен в ночное время, — где человек ночует и, скорее всего, живет.

Огромное количество данных обо всем происходящем в режиме реального времени сконцентрировано в интеллектуальной транспортной системе, дополненной информацией с датчиков ГЛОНАСС, размещенных на всех видах наземного общественного транспорта и уборочной технике [6]. В итоге формируются «обезличенные» отчеты о количестве и ежедневном передвижении абонентов. Разумеется, получение данных видеонаблюдения — лишь начало серьезной аналитической работы, базирующейся на Big Data-технологии. Развитие этой сферы, совершенствование алгоритмов искусственного интеллекта происходит весьма стремительно. По подсчетам специалистов, среднегодовой темп роста рынка систем облачного видеонаблюдения, которое работает по принципу записи в облачные хранилища (преимущественно государственных заказчиков), сегодня составляет 23%, и к 2024 году его объем вырастет до 6,36 млрд рублей [17], а объем рынка облачной видеоаналитики — до 2,87 млрд. В рамках создания МВД централизованного банка биометрических данных в марте 2021 года населению было объявлено о возможности регистрации отпечатков пальцев и изображений лиц на сайте Госуслуги.

В ходе развития «умной» городской системы Москва тесно сотрудничает с Пекином, направляя в Китай делегации на уровне правительства города для изучения функционирования систем видеонаблюдения и аналитических систем обработки данных. Однако китайский подход вызывает неоднозначную реакцию. Как известно, Китай стал первым в мире государством, в котором власть открыто заявила о внедрении системы контроля, корректировки, моделирования и модернизации внутреннего мира своих граждан с применением передовых цифровых инструментов и технологий.

Планы Китая грандиозны — параллельно со значительным подъемом экономики и уровня жизни трансформировать к 2025 году страну в «первое в мире государство, управляемое на основе больших данных» [9. С. 16]. Управление полуторамиллиардным населением и подавление инакомыслия в условиях цифровизации и информатизации осуществляется властями Китая посредством социально-балльного рейтингования. Это «система социального кредита», базирующаяся на обработке и анализе больших данных, поступающих из разветвленной сети видеокамер, персональных компьютеров, смартфонов, социальных сетей, банковских данных, отчетов государственных структур, медицинских, финансовых, страховых и иных документов. Социальный рейтинг человека может снизиться, например, вследствие неуплаты налогов, банковской задолженности, критики власти, нарушения правил дорожного движения и бытовых проступков (курение, чрезмерная онлайн-активность, общение с лицами из «черных списков» и т.д.). Повысить рейтинг можно, например, став донором крови или приняв участие в благотворительном проекте [10. С. 24–25]. Сведения поступают не только из государственных баз данных, цифровых сервисов, но также от информаторов.

Китай известен как мировой лидер по числу абонентов мобильной связи. Покупка телефона непременно сопровождается установкой приложений, которые невозможно отключить. С их помощью осуществляется непрерывное наблюдение за жизнью его владельца (местонахождение, банковские операции, платежи, заказы, контакты, медицинские показатели и пр.). Выключенный экран — не помеха для фото- и видеосъемки пользователя (порой не подозревающего об этом) с дальнейшей отправкой на специальный сервер [9. С. 14–15]. Ускользнуть от опеки «большого брата» практически нереально. Еще в 2015 году Министерство общественной безопасности КНР внедрило глобальную систему видеоидентификации граждан, использующую в том числе технологию распознавания людей по походке на расстоянии 50 метров даже со спины. В период пандемии камеры наблюдения начали принудительно устанавливаться и в квартирах. К гражданам с низким социальным рейтингом и к членам их семей применяются разные санкции, лишаящие доступа к определенным общественным благам: запрет занимать должности в государственных структурах; отказ в социальном обеспечении; предвзятое отношение со стороны таможенной службы; невозможность занимать руководящие должности в определенных отраслях; невозможность покупки авиабилетов и комфортных железнодорожных билетов; невозможность обучать своих детей в престижных школах и др.

Конечно, у китайского народа иные культурные традиции и пути развития, но все же в связи с опытом Китая в сфере цифровой сегрегации возникают вопросы относительно цифрового будущего российского общества. Не может ли распространение цифровизации наряду с совершенствованием алгоритмов искусственного интеллекта, применением биометрического надзора, созданием личного цифрового профиля и т.п. переродиться в нечто опасное для граждан страны? Кто сегодня может гарантировать, что российские власти не решат следовать китайскому сценарию — этой антиутопии наяву, тотальной слежке, цифровой сегрегации, частично или полностью?

Сканирование внешности и сбор информации создают гигантский массив данных, использование которых может повлечь за собой непредсказуемые последствия, и проблема их несанкционированного применения здесь не самая большая. Исчезновение анонимности — проблема не только правовая, но и экзистенциальная: подобное применение высоких технологий фактически не оставляет места для приватности, личного пространства. Пребывание под неусыпным контролем камер неизбежно окажет негативное психологическое воздействие на граждан: части населения, возможно, удастся постепенно и безболезненно адаптироваться к усиленному вниманию «большого брата», но для многих чувство нахождения под постоянным надзором станет жестким психологическим инструментом, дамкловым мечом, принуждающим к постоянному самоконтролю, и источником сильнейшего нервного напряжения. Власть алгоритмов, позволяющих манипулировать человеком посредством непрерывно собираемой о нем информации, может обернуться новой, изощренной формой геноцида.

Таким образом, введение в повседневную жизнь систем искусственного интеллекта и цифровых технологий, постановка их на службу власти способствуют переформатированию всего жизненного уклада. В ситуациях форс-мажора появляется «побочный продукт мобилизации ресурсов государства для борьбы с тем или иным кризисом. В такие периоды государство обращается к дополнительным инструментам принуждения, а когда кризис проходит, не спешит от них отказываться. Так, борьба с международным терроризмом в начале XXI века привела к беспрецедентному росту полномочий исполнительной ветви власти и спецслужб в большинстве стран, в том числе в области массовой прослушки и слежки» [2. С. 7]. Иными словами, нельзя исключить, что опыт пандемии не спровоцирует внедрение социальных инноваций, не обладающих созидательным потенциалом в сфере социальных отношений, новых форм несвободы и даже нового типа социума. Научное сообщество должно своевременно реагировать на возможные шаги властей, инициировать широкую общественно-научную дискуссию, чтобы скорректировать курс действий, ограничить запросы государственного аппарата принуждения и затормозить политику ограничения фундаментальных прав граждан.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 19-011-00383/19 «Био- и экофилософия в современной культуре».

Библиографический список

- [1] Большая медицинская энциклопедия (БМЭ) / Под ред. Б.В. Петровского. 3 изд. Т. 18.
- [2] *Громыко А.А.* Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2.
- [3] Европейское региональное бюро ВОЗ: Грипп — факты и статистика // URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/communicable-diseases/influenza/data-and-statistics>.
- [4] *Локосов В.В.* Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 3.
- [5] Московская электронная школа — это будущее образования // URL: <https://www.mos.ru/city/projects/mesh>.
- [6] *Овчинский В.С.* Под прицелом видеокамер и big data // URL: <https://izborsk-club.ru/20614>.
- [7] *Овчинский В.С.* ВЭФ об основных проблемах кибербезопасности // URL: <https://izborsk-club.ru/20667>.
- [8] Пандемия гриппа // URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/communicable-diseases/influenza/pandemic-influenza>.
- [9] *Петров А.А.* Китайский цифровой профиль или скоринговая система социального доверия // Chronos. 2020. № 8.
- [10] *Петров А.А.* Новейшие инструменты четвертой промышленной революции и цифровые механизмы контроля и управления обществом // Chronos. 2020. № 8.
- [11] Программа «Москва Умный город 2030» // URL: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf.
- [12] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.
- [13] *Рошаль Л.М.* Нам нужно спокойно пройти по острию ножа // URL: <https://ria.ru/20200329/1569294323.html>.

- [14] Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19 // URL: <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline>.
- [15] Чучалин А.Г. Мы платим за то, что недооценили мир вирусов, в котором живем // URL: <https://newizv.ru/news/society/25-01-2021/akademik-chuchalin-my-platim-za-to-chto-nedootsenili-mir-virusov-v-kotorom-zhivom>.
- [16] Щелкунов М.Д. Общество в условиях пандемии: репетиция цифрового будущего // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 2.
- [17] Эксперты назвали Россию третьей в мире по числу камер видеонаблюдения // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/12/2020/5fe5862d9a7947bc3af51a67.
- [18] Gnatik E. Information technologies in educational Sphere: Challenges and risks // Proceedings of the 4th International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE). 2018. Vol. 232.
- [19] Gnatik E. Transhumanism horizons of convergent technologies // Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH). 2017. Vol. 124.
- [20] Rubin G.J., Wessely S. The psychological effects of quarantining a city // BMJ. 2020; 368.
- [21] Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluing expertise // Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20. No. 1.
- [22] Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence // Lancet. 2020; 395.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-769-782

‘New normality’ of the covid-19 era: Opportunities, limitations, risks*

E.N. Gnatik

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: gnatik-en@rudn.ru)

Abstract. The article considers some key aspects of the current transformation of social reality. The author argues that the announcement of the pandemic determined an unprecedented situation: humanity faces a completely different concept of reality. In particular, the breakthrough in the development of NBIC technologies (nano, bio, new information and cognitive technologies) contributes to the strengthening of the paradigm that absolutizes the technocratic component of civilizational development. Under the general depression and decline in economic activity, there is an explosive growth in the field of bioengineering, information and cognitive research. The ‘new normality’ of the coronavirus era, associated with the unprecedented development of artificial intelligence systems, video surveillance technologies, geolocation and ‘big data’, in an unusually short time has created new existential and legal problems. The proclaimed threat to public health, being a significant goal-setting, has become a dominant justification for the introduction of serious innovations that allow the ruling elites to block civil rights, in particular, to legalize the use of tracking systems. Under the fight against the pandemic, the personal identification systems based on advanced technologies are being transformed from a security tool of law enforcement agencies into

* © E.N. Gnatik, 2021

The article was submitted on 04.07.2021. The article was accepted on 28.09.2021.

a tool of mass social engineering. Russia has come close to a new stage of digital transformation — a state-wide credential management system (the Unified Federal Information Register). Considering the experience of China in digital segregation, concerns arise: will digitalization turn into something dangerous as the algorithms of artificial intelligence improve, the use of biometric surveillance broaden, etc.? The article emphasizes that scanning the appearance and collecting information about citizens allows to create a gigantic array of data, the use of which can have unpredictable consequences, and the problem of their unauthorized use is not the main one. The power of algorithms, which allows to manipulate a person by means of continuously collected information about him, can turn into a new, sophisticated form of genocide.

Key words: covid-19 pandemic; NBIC-technologies; human rights; transformation of social reality; state coercive apparatus

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 19-011-00383/19 “Bio-and eco-philosophy in the modern culture”.

References

- [1] Bolshaya Meditsinskaya Entsiklopediya [Great Medical Encyclopedia (BME)]. Pod red. B.V. Petrovskogo. 3rd ed. Vol. 18. (In Russ.).
- [2] Gromyko A.A. Koronavirus kak faktor mirovoy politiki [Coronavirus as a factor of the global politics]. *Nauchno-Analitichesky Vestnik Instituta Evropy RAN*. 2020; 2. (In Russ.).
- [3] Evropeyskoe regionalnoe byuro VOZ. Gripp — fakty i statistika [WHO Regional Office for Europe. Influenza — facts and statistics]. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/communicable-diseases/influenza/data-and-statistics>. (In Russ.).
- [4] Lokosov V.V. Demograficheskoe razvitie Rossii: dinamika i sotsialno-ekonomicheskie riski [Demographic development of Russia: Dynamics and sociak-economic risks]. *Vestnik RAN*. 2020; 90 (3). (In Russ.).
- [5] Moskovskaya elektronnyaya shkola — eto budushchee obrazovaniya [Moscow Electronic School — the future of education]. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/mesh>. (In Russ.).
- [6] Ovchinsky V.S. Pod pritselom videokamer i big data [Under the sight of video cameras and big data]. URL: <https://izborsk-club.ru/20614>. (In Russ.).
- [7] Ovchinsky V.S. VEF ob osnovnykh problemakh kiberbezopasnosti [EEF on the main problems of cybersecurity]. URL: <https://izborsk-club.ru/20667>. (In Russ.).
- [8] Pandemiya grippa [Flu pandemic]. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/communicable-diseases/influenza/pandemic-influenza>. (In Russ.).
- [9] Petrov A.A. Kitaysky tsifrovoy profil ili skoringovaya sistema sotsialnogo doveriya [Chinese digital profile or social trust scoring system]. *Chronos*. 2020; 8. (In Russ.).
- [10] Petrov A.A. Noveyshie instrumenty chetvertoy promyshlennoy revolyutsii i tsifrovye mekhanizmy kontrolya i upravleniya obshchestvom [The newest tools of the fourth industrial revolution and digital mechanisms to control and manage the society]. *Chronos*. 2020; 8. (In Russ.).
- [11] Programma “Moskva Umny gorod 2030” [Moscow Smart City 2030 Program]. URL: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf. (In Russ.).
- [12] Programma “Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii” — natsionalnaya programma razvitiya tsifrovoy ekonomiki Rossiyskoy Federatsii [Program “Digital Economy of the Russian Federation” — the national program for the development of the Russian digital economy]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>. (In Russ.).
- [13] Roshal L.M. Nam nuzhno spokoyno proyti po ostriyu nozha [We need to calmly walk along the edge of the knife]. URL: <https://ria.ru/20200329/1569294323.html>. (In Russ.).

- [14] Khronologiya deystviy VOZ po borbe s covid-19 [Timeline of the WHO actions in the fight against the covid-19]. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline>. (In Russ.).
- [15] Chuchalin A.G. My platim za to, chto nedootsenili mir virusov, v kotorom zhivem [We pay for underestimating the virus world we live in]. URL: <https://newizv.ru/news/society/25-01-2021/akademik-chuchalin-my-platim-za-to-chto-nedootsenili-mir-virusov-v-kotorom-zhivyom>. (In Russ.).
- [16] Shchelkunov M.D. Obshchestvo v usloviyakh pandemii: repetitsiya tsifrovogo budushchego [Society in the pandemic: A rehearsal of the digital future]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2020; 2. (In Russ.).
- [17] Eksperty nazvali Rossiyu tretyey v mire po chislu kamer videonablyudeniya [Experts named Russia the third in the world in the number of CCTV cameras]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/12/2020/5fe5862d9a7947bc3af51a67. (In Russ.).
- [18] Gnatik E. Information technologies in educational sphere: Challenges and risks. *Proceedings of the 4th International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE)*. 2018; 232.
- [19] Gnatik E. Transhumanism horizons of convergent technologies. *Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH)*. 2017; 124.
- [20] Rubin G.J., Wessely S. The psychological effects of quarantining a city. *BMJ*. 2020; 368.
- [21] Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (1).
- [22] Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *Lancet*. 2020; 39